

А. Музычко

Одесские страницы становления личностей выдающихся российских советских историков А. М. Панкратовой и Н. А. Рубинштейна

Решение локальных задач краеведческих и регионоведческих исторических исследований иногда выводит на более глобальные и резонансные проблемы, как, например, выявление малоизвестных фактов о жизни исторических персонажей не местного значения. Тем более важно, когда эти факты освещают такой принципиальный аспект как становление личностей масштабных фигур. Целью этой статьи является освещение на основе не актуализированных исследователями актов (фонды Государственного архива Одесской области) и нарративных (газетные материалы) источников малоизвестных сведений о двух уроженцах Одессы, выдающихся российских советских историках Анне Михайловне Панкратовой и Николае Леонидовиче Рубинштейне¹. Наряду с уже известными фактами, эти сведения помогают сформировать более полное представление об их одесском периоде, а это в обоих случаях — почти половина жизни. Также уделено некоторое внимание вопросу о связях этих историков уже в статусе москвичей с коллегами из родного города.

Кроме общего места рождения и принадлежности к одной эпохе, между А. Панкратовой и Н. Рубинштейном немало и других точек соприкосновения: их путь после Одессы пролегал в Москву, где они, пусть и не без сложных перипетий, достигли вершин академического олимпа, сближали их и научные интересы — предкапиталистические отношения в России, формирование рабочего класса. Знакомство между учеными состоялось уже в середине 1920-х гг., еще в бытность Н. Рубинштейна в Одессе, когда он принял участие в московских семинарах о декабризме. Непосредственными свидетельствами об их общении в московский период являются письмо 1956 г. Н. Рубинштейна к А. Панкрато-

вой², протоколы ряда научных мероприятий. Публиковался Н. Рубинштейн в журнале «Вопросы истории», который курировала А. Панкратова. Уже после ее смерти историк опубликовался в сборнике, посвященном ее памяти³. Сближала их и определенная общность научного мировоззрения и поведенческого психотипа. По мнению А. М. Дубровского, они принадлежали к «группе бывших «красных профессоров» и «старых специалистов», принявших те идеи, которые власть внедряла в историческую науку в 1930-е гг. с их же помощью»⁴. Добавим, что обеих следует считать учениками, или, по крайней мере, последователями М. Покровского.

При этом очевидны и различия между ними, и не только в национальном происхождении (это имело значение для Н. Рубинштейна, усложнив ему жизнь, прежде всего, в годы борьбы с «безродными космополитами»). А. Панкратова начинала карьеру в Одессе с общественной, революционной, деятельности и, несмотря на полученное историческое образование, всегда воспринимала и позиционировала историческую науку только как часть партийных задач, сферу общественного служения. Н. Рубинштейн, наоборот, всегда оставался ученым, лишь волею судьбы и сложных обстоятельств вовлеченным в водоворот идеологической борьбы.

Жизненный путь героев нашей статьи привлекал пристальное внимание биографов. Однако одесские страницы их биографии изучены далеко не равномерно. Больше сделано относительно реконструкции становления личности Н. Рубинштейна. Во-первых, основательный фундамент для этого заложил сам историк, опубликовав незадолго до кончины свои воспоминания⁵. Во-вторых, уже вскоре после смерти своего товарища известный историк С. С. Дмитриев так основательно подошел

к биографии своего покойного коллеги, использовал так много различных источников (в том числе актовые материалы самого покойного, его труды, письма к брату Григорию), что, казалось бы, вопрос исчерпан⁶. Это впечатление только усиливала малоинформативная статья уже упомянутого А. Дубровского, специально посвященная Н. Рубинштейну-одесситу, появившаяся в начале 1990-х в одесском издании⁷. Но, как показали студии современных днепропетровского и одесского историков В. М. Зарубы и В. В. Левченко, выявивших дополнительные источники, это впечатление обманчиво⁸. Причем, речь идет не о мало существенных деталях, а о принципиально важных эго-материалах.

Зато, образ женщины-революционера, вождя советских историков, «поглотил» многие другие аспекты биографии А. Панкратовой, в том числе и более подробное освещение одесского периода ее жизни, даже уточнения фактов общественной деятельности⁹. Современные биографы привнесли в изучение одесских страниц биографии А. Панкратовой мало нового¹⁰. Более того, в данном случае наблюдаем более сложную картину, чем в отношении биографии Н. Рубинштейна. Как это часто бывало в условиях очень непростых зигзагов восточноевропейской истории первой половины XX в., А. Панкратова «приложила руку» к запутыванию своей биографии. В отличие от Н. Рубинштейна, подробно изложившего (хотя, как см. ниже, и не без пропусков) одесские эпизоды своей жизни в мемуарах, А. Панкратова редко и лаконично касалась своего одесского периода, особенно до 1919 г. — момента ее вступления в ряды большевиков. Собственно, тем самым она как бы подчеркивала свое известное высказывание: «Вот товарищи спрашивают — чья она?» — «Дочь рабочего класса, дочь нашей партии! А отсюда и все остальное»¹¹. Не удивительно, что ее биографии не сообщают даже об именах ее родителей, а скудные сведения напоминают скорее жанр агиографии «советского святого»: бедняцкое происхождение, тяжелое детство и юность, версия о поступлении в гимназию и Одесские высшие женские курсы (ОВЖК) только лишь по счастливой случайности и заступничеству. Противоречия встречаются даже в таких данных как о времени утраты Анной своего отца: от 9 до 13 лет.

Главный биограф историка Л. А. Сидорова заметила, что лишь в ранних из известных автобиографий она упоминала о своем членстве в 1917–1918 гг. в одесской ячейке партии социалистов-революционеров, справедливо объясняя

эту «вынужденную забывчивость» нарастанием репрессивных тенденций в партии¹². Дабы в историю прочно вошла каноническая версия, в наиболее полном советском варианте биографии А. Панкратовой постулировалось, что до 1919 г. она «не примыкала ни к одной партии»¹³. В унисон с этим подходом утверждалось, что первые статьи А. Панкратовой были напечатаны под псевдонимом А. Палич в середине 1918 г. в одесской газете «Борьба», а затем в большевистских газетах Одессы 1919–1920 гг. Несмотря на эти манипуляции, о принадлежности А. Панкратовой к эсерам знал еще в советское время одесский историк С. Я. Боровой¹⁴.

Именно архивные материалы об обучении А. Панкратовой в Одессе заслуживают наиболее пристального внимания. Прежде всего, это ее личное дело как курсистки ОВЖК¹⁵. Факт обучения А. Панкратовой на курсах в 1914–1917 гг. является общеизвестным, но только на основании ее автобиографий. В частности, она вспоминала, что «историко-филологический факультет ничего мне не дал». После краткого времени обучения на словесном отделении, она, по ее словам, перешла на историческое отделение, но закончила уже не курсы, а Новороссийский университет, с которым курсы были слиты уже в 1917 г. Версия об окончании А. Панкратовой именно университета, а не курсов стала канонической, наиболее вероятно, в связи со стремлением укрепить имидж женщины-ученого.

В материалах деловодства ОВЖК, достаточно хорошо сохранившихся, А. Панкратова фигурирует только как курсистка словесного отделения. В то время как о многих других курсистках сохранилось по несколько дел на каждом отделении, в случае их перехода с факультета на факультет. Возможно, это свидетельствует о том, что А. Панкратова несколько «подрихтовала» свою биографию, стремясь удревить свои корни историка. В деле содержится аттестат об окончании нею Одесской второй городской общественной женской гимназии в 1906 — августе 1913 гг. Аттестат она получила в мае 1914 г. с правом преподавания русского языка и математики. Интересно, что она не фигурирует как сирота, а, согласно метрике, дочь одесского мещанина, рядового запаса армии, Михаила Федоровича Панкратова и Елисаветы Никифоровны. Крестили Анну в Петровской церкви Одессы. Проживала она по адресу Градоначальницкая 16, кв. 16. Вряд ли статус мещанина ее отца подтверждает версию о бедняцком происхождении А. Панкратовой. Наиболее важен другой факт метрики — дата рождения А. Панкратовой —

28 января 1895 г. Во всех биографиях и автобиографиях приводится другая дата — 9 февраля 1897 г. Предположим, что дело опять же не в простой забывчивости, хотя пока что нет данных которые бы прояснили ситуацию. Но, возможно, такая «операция по омоложению» понадобилась ученой также в карьерно-партийных целях. Версия об окончании А. Панкратовой университета является некорректной, так как фактически курсы просуществовали как отдельное учреждение до самого 1920 г. Другое дело, что к этому времени диплом об окончании курсов был уже приравнен к университетскому. Показательно, что уже в самом конце обучения А. Панкратова подписала одну из своих статей в прессе: «курсистка А. Панкратова».

А. Панкратова не упоминала о своих учителях на курсах. Более того, приведенная выше уничижительная фраза, а также в целом ее образ погруженной в революционные дела личности, должны привести к выводу о только формальном присутствии А. Панкратовой на курсах. Однако материалы деловодства ОВЖК свидетельствуют о том, что будущий академик все же именно на курсах сделала первые шаги в интеллектуальном становлении. В 1915 и 1916 гг. на семинарах у профессора С. Вилинского А. Панкратова прочитала доклады на тему: «Былина об Иване — гостинном сыне»¹⁶ и «Духовные стихи об Алексии, человеке Божем, в их отношении к книжным источникам»¹⁷. Осенью 1916 г. А. Панкратова прочитала к 300-ю У. Шекспира реферат «Гамлет» на семинаре у профессора В. Лазурского¹⁸. В то же время у нас нет сведений об аналогичных эпизодах ее общения с профессорами-историками А. Флоровским, Е. Трифильевым (русская история), П. Бицилли, В. Крусманом (всемирная история), А. Шпаковым (история русского права) хотя их курсы она имела возможность слушать по программе обучения. Е. Трифильев, кстати, обращал внимание не только на политические, но и социально-экономические аспекты истории, чему позже уделяла исключительное внимание А. Панкратова. Профессора-словесники все же оставили определенный след в душе А. Панкратовой, так как одна из ее первых статей в одесской прессе в 1918 г. была посвящена В. Короленко.

Впрочем, публикации 1918–1920 гг. не были первыми. В студенческой прессе 1917 г. нами выявлено две статьи А. Панкратовой. Апрельская статья представляет из себя публицистическо-художественное эссе о семнадцатилетней девушке-студентке, идеалистке Асе, которая приняла революцию и стремиться служить на-

роду, прежде всего крестьянам. Эссе не оставляет сомнений в автобиографичности, а также в эсеровских симпатиях автора. В начале статьи автор поместила посвящение «Марии Спиридоновой и другим подвижницам русской свободы и правды»¹⁹. Уместно отметить, что накануне октябрьского большевистского переворота М. Спиридонова побывала в Одессе, где ее во время публичного чествования, в частности, приветствовал лидер одесских украинцев И. Луценко от имени украинской революционной армии²⁰. Не исключено, что А. Панкратова также не упустила возможность пообщаться с легендарной эсеркой. Вторая статья, опубликованная в сентябре 1917 г., на сей раз является своеобразным отчетом А. Панкратовой о ее работе на селе²¹. Автор отмечала, что революция увлекла ее и большинство студентов и курсисток только с апреля. Тогда 8 человек курсисток и студентов оправились в деревню, так как «думать об академической работе в университете, о чисто студенческих делах сейчас нам как-то странно». Далее она описывала сложности и подчеркивала важность работы среди крестьян. Таким образом, статья важна для уяснения истоков превращения А. Панкратовой из одного из лидеров студенческого движения в активистку работы в деревне, которую она продолжила с удвоенной энергией в разгар Гражданской войны уже в качестве члена РКП (б). К слову, отметим, что одним из соратников А. Панкратовой по деятельности в партии эсеров был в дальнейшем талантливый одесский историк трагической судьбы Н. Н. Петринский²².

Возможно, перу А. Панкратовой принадлежит также статья подписанная «курсистка П.», опубликованная в конце марта 1917 г., в которой женщины призывались к большей активности в борьбе за свои права²³. Даже в разгар борьбы за власть А. Панкратова не отдалась всецело партийной работе. В этом убеждает резюме ее доклада на одной из педагогических конференций в начале февраля 1919 г., опубликованное в одесской газете²⁴.

Одесский период жизни Н. Рубинштейна был заполнен почти исключительно научной и преподавательской работой: в его активе этого времени 9 статей (2 из них рецензии, 2 — остались ненапечатанными в рукописи), одна новаторская книга о Киевской Руси (в ней впервые были намечены контуры советской трактовки истории этого государства и концепции «древнерусской народности»), перевод с французского языка книги А. Олара²⁵. Слово «почти» позволяет употребить ряд выявленных нами

сообщений прессы революционной эпохи. Из них следует, что Н. Рубинштейн в 1917 г. принимал участие в студенческом движении, был избран в Центральный комитет объединенного студенчества Одессы от партии народной свободы, выступал с публичными докладами на животрепещущие темы²⁶. Исследователями недостаточно использован источниковый потенциал личных дел Н. Рубинштейна как студента Новороссийского университета, аспиранта и преподавателя Одесского института народного образования. В частности, из них узнаем еще об одном вненаучном аспекте деятельности историка: в 1916 г. он работал в лазарете Одесских промышленных организаций санитаром²⁷ (о работе же Н. Рубинштейна — выпускника еще и юрфака Нархоза — экономистом в ряде учреждений хорошо известно). Неизвестной является также иконография Н. Рубинштейна одесского периода. Восполняя этот существенный пробел, публикуем в этой статье два ранее нигде не публиковавшиеся фотопортреты Н. Рубинштейна времен его обучения в университете и институте. Важно отметить и такой факт, что где-то до начала 1920-х гг. историк именовался Николай Лазаревич, и только затем эволюционировал в Леонидовича.

Другие малоизвестные аспекты одесской жизни Н. Рубинштейна, на которые мы бы здесь хотели обратить внимание, относятся к главному направлению его деятельности — научно-педагогическому²⁸. В целом, об этом известно из мемуаров Н. Рубинштейна, однако, как характерно для этого типа источников, автор вспомнил далеко не все и осветил корректно. Так, обратим внимание на такую мелкую, но интересную деталь, как то, что при поступлении в Новороссийский университет будущий историк подал прошение на медфак, и только в случае невозможности реализовать его желание был согласен на обучение на историко-филологическом факультете. Документы, сданные им при поступлении, содержат аттестат, который подтверждает, что Н. Рубинштейн с золотой медалью окончил гимназию, о чем он скромно умолчал в мемуарах²⁹. К концу обучения в университете, которые совпали с последними годами существования этого ВУЗа, Н. Рубинштейн, по всей видимости, достиг значительного авторитета в среде коллег и профессуры. 28 июня 1919 г. он в качестве представителя от студентов принял участие в работе университетской комиссии по составлению программы по всемирной истории, которая приняла решение о введении новых курсов по социологии, соци-

альной психологии, новейшей истории, методики преподавания истории, увеличения часов на практические занятия с акцентом на источники и специальные исторические дисциплины, в частности, курсов дипломатики и палеографии³⁰. Личные дела историка помогают конкретизировать процесс его обучения. Начнем с того, что в литературе не упоминалась тема его дипломной работы на юридическом факультет Нархоза 1924 г. «Право строительства».

В. Заруба привел в своей монографии темы студенческих сочинений Н. Рубинштейна в вольном и не точном переводе на украинский язык. К тому же, этот реестр не полный. Личные дела и материалы деловодства Новороссийского университета позволяют более точно и подробно осветить этот аспект. В анкете начала 1920-х гг. Н. Рубинштейн писал, что в бытность свою в высшей школе принимал участие в семинарских работах, на которых подготовил 9 специальных работ: по истории Украины и России: княжеская власть в Киевской Руси, О степени достоверности писцовых книг (методика их изучения), Переписная книга — особенности текста и связи с порядком ее составления, Неизвестный английский рассказ о Смутном времени, Щербатов как общественный деятель и публицист (к характеристике русского общества 18 века); по всеобщей истории — Оценка демократии у Аристотеля, Средневековое монастырское селение (политика аббата Ирминона), Общинное землевладение во Франции и законодательство Великой Французской Революции. По историографии в дальнейшем один из ведущих советских историографов подготовил лишь один доклад: «Ключевский как историк-художник»³¹. Отчеты о семинарских занятиях профессоров университета дополняют этот перечень.

В мемуарах Н. Рубинштейн лишь пунктиром наметил влияние на себя В. Крусмана, хотя и причислил его наряду с П. Бицилли и Е. Щепкиным к преподавателям, будившим научную мысль. Определенное влияние на Н. Рубинштейна оказал профессор кафедры западноевропейской литературы, один из последних проректоров университета, В. Ф. Лазурский. Вряд ли Н. Рубинштейн лукавил, когда вместе со своим менее заслуженным коллегой Е. Загоровским в 1926 г. подписывал юбилейный адрес своему бывшему преподавателю, в частности, с такими словами: «в годы тяжелых испытаний и в годы мирной творческой работы Вы одинаково оставались верным самому себе, своему призванию ученого та педагога. Чуткость и отзывчивость — эти столь ценные для профессора качества всег-

да ощущались всеми, кто, подобно нам, приходил с Вами в соприкосновение, как с учителем и человеком. Свой долголетний опыт и свои обширные познания Вы щедро предоставляли в распоряжение всех, кто к Вам обращался»³².

Но, безусловно, главным, официальным и общепризнанным учителем Н. Рубинштейна был основатель исторической украинистики в Одессе М. Е. Слабченко. Однако, приведенные ниже малоизвестные письма Н. Рубинштейна 1920-х гг., позволяют отвести существенную роль как его учителю и одному из последних историков-русистов Одессы А. В. Флоровскому. Именно А. Флоровский, правда, наряду с Е. Щепкиным (думается только формально) фигурировал в мае 1920 г. как руководитель Н. Рубинштейна³³.

В начале 1960-х гг. Н. Рубинштейн без особого восторга вспоминал о А. Флоровском как об одном из своих учителей в университете. В частности, он упомянул о неудачной попытке группы студентов организовать научный кружок во главе с А. Флоровским³⁴. Лапидарность этого воспоминания создает впечатление непродолжительности и поверхностности взаимоотношений между А. Флоровским и Н. Рубинштейном. Это впечатление должны усилить письма А. Флоровского начала 1960-х гг., в которых историк-эмигрант упомянул о Н. Рубинштейне как о своем «старом слушателе и отчасти ученике», а также отметил, что «с отъездом из Одессы в 1922 году я потерял всякую связь с академическими моими товарищами и учениками»³⁵. Однако четыре письма Н. Рубинштейна к А. Флоровскому 1923–1925 гг. (18 листов), сохранившиеся в личном архиве последнего, свидетельствуют о том, что историки подзабыли особенности своих взаимоотношений в первой половине 1920-х гг. Советскому историку Н. Рубинштейну было довольно неудобно вспоминать о более заметной роли, которую сыграл историк-эмигрант в его профессиональном росте. Письма Н. Рубинштейна содержат ценную информацию и для изучения его непростых отношений со М. Слабченко.

Инициировал переписку Н. Рубинштейн. А. Флоровский направил несколько ответов, но обнаружить их пока не удалось. Почти во всех письмах Н. Рубинштейн информировал на тот момент уже болгарского историка о новых трудах советских историков, с которыми тот не имел возможности ознакомиться в условиях эмиграции. Н. Рубинштейн жаловался на перебои в получении зарубежных изданий³⁶. О состоянии одесского образования и науки он

отзывался без энтузиазма. В декабре 1923 г. он сообщал, что Одесский институт народного образования «приобретает все определеннее облик специально педагогического учреждения, учительской семинарии». Неудивительно, что историк отмечал, что «я продолжаю вести работу сам по себе, без ИНО»³⁷. Он скептически относился к перспективам Одесской комиссии краеведения при ВУАН, отрицая научный профессионализм ее председателя С. Дложевского (впрочем, Н. Рубинштейн все же принял участие в работе комиссии как автор статьи и доклада о движении декабристов³⁸).

Как и в уже известных письмах к брату Григорию, Н. Рубинштейн жаловался на нехватку времени для научной работы в связи со службой. Одно из писем позволяет конкретизировать состав вышеупомянутого кружка во главе с А. Флоровским. В начале 1920-х Н. Рубинштейн вспоминал о кружке не как о неудачном проекте, а как о реально действующем неформальном объединении молодых одесских историков: «Наш старый кружок (оба Троицких [братья Троицкие, один из которых, Иосиф, стал выдающимся историком античной литературы под измененной фамилией Тронский — авт.], Занчевский, Гофман (писал о ланкастерских школах), Ефимович) поредел и ослабел. Из всех нас, молодых, один Вайнштейн работает вполне успешно»³⁹. Это упоминание коррелируется с воспоминаниями О. Вайнштейна о том, что в 1920–1921 гг. члены кружка делали научные доклады и хотели создать общественный университет⁴⁰. Другие документы подтверждают близость к А. Флоровскому питомца М. Довнар-Запольского Сергея Илларионовича Ефимовича, Л. Гофмана и А. Занчевского⁴¹.

Несмотря на жалобы на нехватку времени для научной работы, в своих письмах Н. Рубинштейн выступает как фанат науки. Первый из листов позволяет выяснить генезис взглядов Н. Рубинштейна на историю Киевской Руси как феодального государства, которую он окончательно сформулировал в 1930 г. в своей известной монографии. Единственным источником для изучения становления взглядов Н. Рубинштейна на экономику Киевской Руси считалась его дипломная работа, напечатанная в 1925 г. В письме Н. Рубинштейн критиковал историков за некритическое восприятие традиций, недостатки в периодизации. Уже тогда он пришел к выводу о том, что феодализм окончательно сложился на Руси в XII в. Н. Рубинштейн намечал широкий план дальнейшей работы, предусматривающий всестороннее знакомство с источни-

ками и литературой, в частности, археологическими данными, изучение каждого из классов древнерусского населения⁴². Историк удалось частично реализовать свои замыслы. В письме 1925 г. Н. Рубинштейн сообщал о своей перероентации на изучение движения декабристов. В изучении двух тем он надеялся на советы А. Флоровского, который во время пребывания в Одессе посвящал некоторые работы истории Киевской Руси и интересовался движением декабристов, в частности, был членом одесского «Общества изучения декабристов»⁴³. В Одессе Н. Рубинштейн не ожидал найти советчика в этих темах, отмечая, что его непосредственный руководитель М. Слабченко «к сожалению, занят исключительно украинской историей и мне помощи оказать не может»⁴⁴. Собственно, это обстоятельство и побудило его писать А. Флоровскому.

М. Слабченко находился в достаточно непростых взаимоотношениях со своим учеником. Они не сошлись не только характерами, но и национальными мировоззрениями: Н. Рубинштейн был очень далек от украинской культуры, для развития которой так много сделал М. Слабченко. Однако последний отмечал: «Рубинштейна я недолюбиваю, але що ж можна про нього сказати, коли він все-таки талановитий чоловік і працюючий парубок»⁴⁵. В письмах к А. Флоровскому Н. Рубинштейн высказывал подобное отношение к своему учителю. Письмо 10 мая 1923 г. предоставляет уникальную возможность взглянуть на научно-педагогическую деятельность М. Слабченко глазами одного из его наиболее способных учеников. Отметим, что это первое по хронологии и наиболее содержательное упоминание современника патриарха одесского исторического краєзнавства о становлении его научной школы в Одессе.

Н. Рубинштейн отмечал, что «после Вашего отъезда он, несомненно, единственный живой человек у нас в Университете, единственный человек к которому мы, начинающие нашу работу, можем пойти за советом, за руководством. Слабченко имеет свои достоинства: он человек умный, разносторонне образованный, с живыми и разносторонними научными интересами, с любовью к науке, с желанием помочь и словом и делом тем, кто начинает свою научную работу. Я ценю в нем лично еще и его желание развить научную самостоятельность, заставить самому разбираться в памятнике, овладев методом, самому его применять (в частности мне как раз много пользы принесла работа, которую заставил меня выполнить Михаил Алексеевич,

и которая в начале меня сильно отпугнула: перевести письменные тексты, что заставило меня вникнуть в каждое слово и, таким образом, обратить внимание на многое, чего я прежде не замечал). Но вместе с тем, я чувствую в той свободе, которую Михаил Алексеевич предоставляет и свою опасную сторону, я чувствую, что М. А. готов и сам порой увлечься интересной, внезапной мыслью, иногда, может быть, и в ущерб научной обоснованности, я чувствую у него, пожалуй, невнимательность, недостаточную дисциплинированность научной мысли, и потому боюсь не найти, как раз, той сдержки и твердой дисциплины, которой мне, конечно, определено недостает, и которую я знаю, что найду у Вас». Н. Рубинштейн признавал, что он изучал договоры между византийцами и русичами «с исторической, а не с юридической точки зрения. По указанию Слабченко начал с Геца изучать Русскую Правду, а потом приступил к самому разбору. Такая работа действительно сразу многому научает». Но через несколько строк он снова вспомнил об «отсутствии сдержанности» у М. Слабченко⁴⁶. Однако достоинством историографов стали только общеизвестные мемуарные заметки 1960 г. Н. Рубинштейна о М. Слабченко. В начале 1960-х гг. Н. Рубинштейн в целом не изменил своей оценки фигуры М. Слабченко, разве что упрекнул учителя за «склонность к демагогии и националистической тенденциозности в освещении исторических вопросов». Замечания в «невнимательности и недостаточной дисциплинированности научной мысли» он трансформировал в «недостаток собственно научной школы»⁴⁷. Однако, это не все имеющиеся оценки Н. Рубинштейна. В 1930-е гг. уже после процесса СВУ, засудившего М. Слабченко, на тот момент уже московский ученый в своих лекциях и трудах позволял себе еще более жесткие выражения.

Так, он утверждал, что «национально-народническая историософия Грушевского и державническая кулацкая схема Линниченко получают свое дальнейшее отражение — первая у Яворского, вторая — у Слабченко»⁴⁸. «Новейшая формация державнической школы (например, Слабченко) уже не может замкнуться в рамки государственности, она уже должна считаться с понятием украинской исторического процесса. Но при этом вопрос решается не путем органического синтеза, а как раз, напротив — путем полного разрыва исторических связей. Историк пытается просто игнорировать факт политической зависимости, рассматривать Украину и в эти периоды как самостоятельную полити-

ческую организацию, создавая как бы фикцию державности и тем самым искажая самый исторический процесс, из которого выпадает один из его элементов», — постулировал Н. Рубинштейн в работе об эпохе Б. Хмельницкого⁴⁹. Уже не упоминая И. Линниченко, он снова сблизил М. Слабченко и М. Грушевского, который вместе с М. Яворским «возглавил украинскую историографию, под прикрытием марксистской фразы фактически продолжили схему Грушевского». Наконец, Н. Рубинштейн, не умаляя усилий М. Слабченко в попытках показать в своих трудах научный аппарат, в основном опираясь на юридические и статистико-экономические памятники, обвинял его в тенденциозности, безответственности, ссылаясь не на источники, а старую историографию⁵⁰.

Несмотря на эти трудности и переживания, как известно, Н. Рубинштейну удалось не только закончить процесс обучения в институте, но и получить первый преподавательский опыт, который, правда, ни он, ни М. Слабченко, не считали удачным. В частности, Н. Рубинштейна тяготил украинский язык преподавания. Одно из личных дел Н. Рубинштейна фиксирует первые шаги историка от студента к преподавателю. 1 декабря 1922 г. Н. Рубинштейн обратился к руководству института «не имея возможности уплатить 100 миллионов рублей, требуемых Институтом от лиц, получающих свидетельство об окончании, настоящим прошу освободить от взноса». М. Слабченко ходатайствовал об оставлении его на кафедре. 7 декабря 1922 г. Н. Рубинштейн в присутствии комиссии под председательством А. Готалова-Готлиба провел пробный урок в 7 классе школы № 43 на тему «Комиссия 1767–68 гг. при Екатерине II»⁵¹. Он оставил хорошее впечатление использованием формы беседы, владением материалом, но к недостаткам был отнесен слабый голос⁵². В данном случае узнаем об опыте преподавания Н. Рубинштейна в средней школе, а также о такой форме проверки выпускника института как открытый урок в школе. О самом же преподавательском опыте Н. Рубинштейна осталось интересное свидетельство в виде, публикуемом в дополнительной программе семинарских занятий.

В одной из анкет и мемуарах Н. Рубинштейн упоминал о своем опыте работы в Одесском краевом историческом архиве⁵³. В фондах современного наследника этого учреждения сохранился протокол научного совещания 4 августа 1930 г. в составе М. Горбаня (ученик покровителя Н. Рубинштейна — харьковского профессора Д. И. Багалея), Н. Рубинштейна, В. Селинова,

А. Рябинина-Скляревского. В результате, собрание решило основать комиссию по изданию описания Коша Новой Запорожской Сечи, при чем Н. Рубинштейну поручили заняться выявлением «торгового элемента», что целиком совпадало с его общими научными интересами⁵⁴.

Упомянем также о том, что в одесский период Н. Рубинштейн принял участие в работе ряда научных обществ, в том числе и за пределами Одессы (например, Общества историков-марксистов при Коммунистической Академии при ЦИК СССР, Секции исследования истории движения декабристов и их эпохи при союзе политкаторжан в Москве), но следует исправить ошибку В. Зарубы (перекочевавшей в некоторые другие издания), который писал о членстве историка во львовском Научном обществе им. Т. Шевченко, тогда как в анкетах четко отмечено, что речь шла об Одесском научном обществе при ВУАН.

После обретения статуса столичных ученых А. Панкратова и Н. Рубинштейн, естественно, отделились от Одессы, но отнюдь не абсолютно. Хорошо известен факт о связях А. Панкратовой с прежними товарищами по одесскому большевистскому подполью. После смерти историка на страницах одесской газеты «Чорноморська комуна» они посвятили ей некролог⁵⁵. Издатели уже упомянутого первого большого биографического очерка о А. Панкратовой благодарили одесского библиотекаря, заведующую отделом рукописей и редких изданий библиотеки им. М. Горького М. Раппопорт за выявление первых публикаций А. Панкратовой в одесской прессе 1918–1920 гг. Это немногие факты, лежащие, так сказать, «на поверхности».

Менее известно, например, о том, что своеобразным «связующим звеном» с Одессой и для А. Панкратовой, и для Н. Рубинштейна был выдающийся одесский историк С. Я. Боровой. Правда, если с Н. Рубинштейном он был знаком еще с юности (если не с детства), то с А. Панкратовой только с 1953 г. В воспоминаниях С. Боровой только раз упомянул о Н. Рубинштейне как о человеке, который в 1940 г. в качестве члена московской экспертной комиссии по докторской диссертации С. Борового о евреях Украины оказал поддержку своему земляку, что, вместе с другими обстоятельствами, обеспечило успешную защиту⁵⁶. Наиболее показательным источником являются письма С. Борового к Н. Рубинштейну 1942–1961 гг. (47 писем, 73 листов), хотя, к сожалению, не таким информативным, как хотелось бы. «Виноват» в этом сам автор писем, отличавшийся в переписке со всеми современ-

никами лаконичностью и какой-то осторожной сдержанностью. В частности, С. Боровой делился впечатлениями о прочитанной литературе. Так, в 1961 г. «он писал, что книга В. Мавродина ценна своей библиографической полнотой, а так в ней много лишнего, ненужного, случайного. Все исключительно примитивно изложено, по школьному»⁵⁷. Переписка не отображает всех перипетий взаимоотношений историков.

Наиболее сложным и даже трагическим эпизодом следует считать известные гонения на Н. Рубинштейна в контексте борьбы с космополитами в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Несмотря на то, что С. Боровой сам пострадал, ему пришлось принять участие в шельмовании своего товарища Н. Рубинштейна. Как и многие другие ученые, в отзыве о главном труде Н. Рубинштейна «Русская историография» С. Боровой обвинил автора в объективизме и аполитизме, переоценке степени влияния западноевропейской философии и историографии на русскую. В то же время, привлекают внимание, помещенные в начале и конце отзыва положительные характеристики книги Н. Рубинштейна, которые явно были призваны амортизировать удар⁵⁸. Очевидно, Н. Рубинштейн понимал все обстоятельства написания этого отзыва, который судя по всему был зачитан С. Боровым на одном из совещаний в Москве, и переписка между учеными не прервалась. Свообразный долг товарищу и коллеге С. Боровой отдал, помогая С. Дмитриеву в собирании материалов для написания уже не раз упомянутого очерка⁵⁹. В архиве С. Борового сохранилась его рецензия на очерк С. Дмитриева⁶⁰. В этом тексте Н. Рубинштейн назывался «выдающимся советским историком», а автор очерка о нем удостоился высокой оценки за то, что в отличие от многих других историографических работ, удачно рассказал о нем не только как об ученом, но и о человеке. А по мнению С. Борового, «в Николае Леонидовиче человек и ученый были неотделимы».

Знакомство С. Борового с А. Панкратовой состоялось по ее инициативе в Москве в 1953 г. Встрече предшествовало письмо С. Борового, в котором он описывал свои мытарства в Одессе в связи с увольнением из Кредитно-экономического института, а также прилагал автобиографию, в которой, в частности, каялся, что в ряде работ о евреях 1925–1931 гг. «допустил ошибки объективного и националистического порядка»⁶¹. А. Панкратова не просто поддержала одессита в партийных кругах, но опубликовала его статью о банках в журнале «Вопросы истории». Последний долг А. Панкратовой С. Боровой как

единственный представитель от Одессы, отдал в Москве на ее похоронах, отстояв даже в почетном карауле⁶². Статья С. Борового была опубликована в уже упоминавшемся мемориальном сборнике в ее честь⁶³. В тот же период прослеживаются контакты А. Панкратовой с другими одесскими учеными. Она оказала поддержку в защите докторской диссертации З. В. Першиной (как ее студент во второй половине 1990-х гг., упомяну, что З. Першина неоднократно с благодарностью и уважением отзывалась о А. Панкратовой, в личной библиотеке З. Першиной хранились книги московского коллеги с дарственными надписями), переписывалась со своей бывшей сокурсницей на ОВЖК М. Раппопорт. Интересным фактом является наличие в личном архиве историка письма 1955 г. от канд. техн. наук, преподавателя Одесского технологического института им. Сталина, А. Строкато — отца выдающейся украинской правозащитницы Н. Строкатой⁶⁴. Вероятно, последним аккордом, прозвучавшим из Одессы в процессе уже посмертного чествования выдающейся землячки, была статья А. Д. Бачинского в сборнике, изданном в честь 90-летия со дня рождения А. Панкратовой в Донецке⁶⁵.

Наконец, отметим еще один аспект темы: восприятие творчества столичных ученых одесского происхождения в трудах одесских коллег их поколения. Так, в начале 1980-х гг. В. П. Ващенко достаточно глубоко, без лишнего славословия, проанализировал значение трудов А. Панкратовой в изучении становления рабочего класса в России⁶⁶. В 1984 г. высокая оценка трудов ученой была представлена в статье П. И. Воробья и З. В. Першиной⁶⁷. К сожалению, за исключением необъективной оценки С. Борового, творчество Н. Рубинштейна фактически было проигнорировано его земляками.

Наконец, оба историка внесли определенный вклад в изучение истории Одессы, хотя и не одинаковый с преимуществом А. Панкратовой. Уже в середине 1920-х гг. она опубликовала в Москве ценный сборник документов о революции 1905 г., где значительное место занимали документы о ситуации в Одессе⁶⁸. В дальнейшем, в работах о революции 1905 г., рабочем движении, истории России конца XIX — начала XX вв. историк также упоминала Одессу в общем контексте. В «Русской историографии» Н. Рубинштейн отметил, что Одесса в начале XX в. принадлежала к региональным центрам исторических исследований, при чем здесь ощущалась более тесная связь с историей Украины, чем с общей историей России. Среди одесских ученых

он упомянул И. Линниченко, который в своих исследованиях «продолжил непосредственно традицию историко-юридической школы»⁶⁹.

Таким образом, одесский период жизни А. Панкратовой и Н. Рубинштейна следует рассматривать как принципиально важный для становления их общественного и научного облика. В эти годы, совпавшие с переломной эпохой перехода от революционного времени к советской действительности, они демонстрировали значительно большую свободу мысли

и деятельности, нежели в условиях фактического «ломания об колено» в 1930-е — 1950-е гг. С другой стороны, переезд в Москву открыл для этих историков возможность стать русистами, что было сложно в Одессе, традиционно ориентированной на украинистику с ее составляющей частью — краеведением. Одесская научная среда, конечно, утратила в связи с их переездом, но многое и приобрела, так как одесские историки получили таким образом своеобразных лоббистов и ориентир для развития.

Дополнения

*Н. Л. Рубинштейн — студент
Новороссийского университета**

План семинарского занятия
под руководством Н. Л. Рубинштейна
в ОИНО, 1927–1927 гг.**

Н. Л. Рубинштейн

СЕМІНАР ПО ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

/на III курсі Фак. Профосу/

Селянське питання на Україні в XIX ст.

Робочий план II триместру

Заняття I — Вступ. Селянське питання в зв'язку з розвитком капіталізму /в умовах торгов. та промислового капіталізму/. Специфічні умови розв'язання сел. питання на Україні в XIX ст.

II — Програми аграріїв в першій чверті XIX ст. Енгельман. Богданович.

III — Продовження. Каразін. III — Погляди економістів. Якоб.

IV — Правові теорії..... Грибовський. О состоянии крестьян господских в России /историч. теория права/.

V. — Декабристи. Південне т-во. Пестель — Практич. Начал политич. Экономии.

VI. Продовження. Пестель «Русская Правда».

VII — Т-во об'єднаних слов'ян /Восстание декабристов материалы т. V изд. Центрархиву/.

VIII — Кирило-Методієвське братство. «Книга бития укр. народа».

IX — Поміщ. проекти напередодні реформи. Маркевич. Позен.

X — Українські проекти в Редакційному комітеті. Проекти Слободської України.

XI — Продовження. Проекти Правобічної України.

XII — Проекти Степової України.

* (ДАОО. — Ф. 45. — Оп. 1. — Д. 877. — Л. 15).

** (ДАОО. — Ф. Р-1593. — Оп. 1. — Д. 666. — Л. 89).

Підручники

Загальні:

І. СЛАБЧЕНКО М. С. — Матеріали до історії України в ХІХ ст.

2. СЕМЕВСЬКИЙ. Крестьянский вопрос в России т. I. гл.гл. XVIII, XIX, XXII, XXI, XXVIII, — Т. II гл. XIV.

Спеціальні: А. Декабристи. — СЕМЕВСЬКИЙ. Движение декабристов.

ЯВОРСКИЙ Ст. в III в. Харк. досл. Мат. Історії України.

Б. Кирило-мет. Братство. — СЕМЕВСЬКИЙ /стаття в журн/.

В. Поміщ. проекти та редакц. коміт. — КОРНІЛОВ. Губернские комитеты.

ЛІТЕРАТУРА:

СЛАБЧЕНКО. — Матеріали т. I & II.

ЯВОРСЬКИЙ. — Україна в епоху капіталізма Т. I — III.

¹ Н. Л. Рубинштейну «не повезло»: его современником оказался полный тезка — Н. Л. Рубинштейн (1902–1953) (см. о нем: <http://www.memo.ru/history/nkvd/kto/biogr/GB426.NTM>), также доктор историч. наук, автор ряда работ, правда, о советском периоде. Это привело к смешению библиографий этих ученых и даже ряда биограф. фактов. Подобная коллизия прослеживается и в судьбе другого одесского историка А. И. Маркевича и крымчанина А. И. Маркевича, хотя в данном случае имена разные: Алексей и Арсений.

² Архив Российской Академии наук (РАН). — Ф. 697. — Оп. 3. — Д. 465. — 8 л.

³ Рубинштейн Н. Л. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка // Из истории революционного класса и революционного движения. — М., 1958. — С. 88–100.

⁴ Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). — Брянск, 2005. — С. 469–470.

⁵ Рубинштейн Н. О путях развития исторического исследования // История СССР. — 1962. — № 6. — С. 88–99 (см. также автобиографию: Научно-исследовательский отдел Рукописи РГБ. — Ф. 521. — К. 1. — Д. 1. — 21 л.

⁶ Дмитриев С. С. К истории советской исторической науки. Историк Н. Л. Рубинштейн (1897–1963) // Ученые записки Горьковского госуниверситета. Сер. Историко-филологическая. — Вып. 72. — Т. 1. — 1964. — С. 417–449.

⁷ Дубровский А. М. Н. Л. Рубинштейн в Одессе // Одеси-200: тези доп. Міжн. Наук.-теор. Конф. 6–8 вересня 1994 р. — Одеса, 1994. — Ч. 2. — С. 91–92.

⁸ Заруба В. Историк держави і права України академік Михайло Слабченко. — Дніпропетровськ, 2004. — С. 112–114; Левченко В. Історія України в Одеському Інституті Народної Освіти: викладання та дослідження // Записки історичного факультету ОНУ ім. І. І. Мечникова. — Вип. 12. — Одеса, 2002. — С. 232–241; Левченко В. Дослідження з історії України в Одеському інституті народної освіти // Записки історичного факультету ОНУ ім. І. І. Мечникова. — Вип. 16. — Одеса, 2005. — С. 171–176; Левченко В. В. Рубинштейн Микола Леонідович // Одеські історики. Том 1 (початок ХІХ — середина ХХ ст.). — Одеса, 2009. — С. 328–332; Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту. — Одеса, 2010. — С. 271–273 та ін.; Левченко В. Из истории исторической науки в Одессе: научные семьи историков вт. пол. ХІХ — пер. пол. ХХ вв. (периодизация, типология, представители) // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. —

Вип. 13. — Одеса, 2012. — С. 80–90; Левченко В. В. Нові его-документи до історії одеського періоду життя історика М. Л. Рубинштейна // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Мат-ли ІV Міжнародної наук. конф. (м. Одеса, 26–27 квітня 2013 р.). — Одеса, 2013. — С. 168–172.

⁹ Панкратова Г. М. // Гуржій І. О., Петренко В. С. Видатні радянські історики. — К., 1969. — С. 153–155; Бадя Л. В. Академик А. М. Панкратова — историк рабочего класса СССР. — М., 1979.

¹⁰ Сидорова Л. А. Анна Михайловна Панкратова // Историки России XVIII — XX веков. Вып. 2-й. Архивно-информационный бюллетень № 10. — М., 1995. — С. 128–136; Сидорова Л. А. Анна Михайловна Панкратова // Историческая наука России в ХХ веке. — М., 1997. — С. 419–437; Сидорова Л. А. Панкратова Анна Михайловна // Историки России. Биографии. М., 2001. — С. 685–691; Историк и время, 20–50-е годы ХХ века: А. М. Панкратова / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. [Редкол.: отв. ред. акад. РАН Ю. С. Кукушкин и др.]. — М., 2000. — 360 с.; Выпускники Одеського (Новоросійського) університету. — Вип. І. — Одеса, 2005. — С. 150; Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. — Одесса, 2007. — С. 39, 60, 458; Левченко В. В. Панкратова Ганна Михайлівна // Одеські історики. Том 1 (початок ХІХ — середина ХХ ст.). — Одеса, 2009. — С. 286–289.

¹¹ Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. статей. — М., 1958. — С. 5.

¹² Сидорова Л. А. Проблемы «отцов и детей» в историческом сообществе // История и историки: историографический вестник. 2002. — М., 2002. — С. 30–31.

¹³ Из истории революционного класса и революционного движения. — М., 1958. — С. 8.

¹⁴ Боровой С. Воспоминания. — М., 1993. — С. 332.

¹⁵ Державний архів Одеського області (ДАОО). — Ф. 334. — Оп. 3. — Д. 2356. — Л. 114.

¹⁶ ДАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Д. 7657. — Л. 84.

¹⁷ ДАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Д. 7678. — Л. 13.

¹⁸ ДАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Д. 7657. — Л. 114.

¹⁹ Панкратова А. М. Творите жизнь // Сын народа. — 1917. — 2 апреля.

²⁰ Одесский листок. — 1917. — 17 октября.

²¹ Курсистка Панкратова. Студенчество в деревне // Студенческие отклики. — 1917. — 10 сентября.

²² Петринский Н. Н. Историк-Гражданин Светлой памяти В. И. Семевского // Студенческие отклики. — 1917. — 17 сентября.

- ²³ Куй железо пока горячо! (Несколько слов о женском равноправии) // *Сын народа*. — 1917. — 25 марта
- ²⁴ Совещание деятелей по внешнему образованию // *Одесский листок*. — 1919. — 2 февраля.
- ²⁵ Рубинштейн М. Рец. на: Любомудров П. // *Прапор марксизму*. — 1929. — № 3. — С. 154–155; Рубинштейн М. Рец. на: До історії російського народного господарства // *Прапор марксизму*. — 1928. — № 4 (5). — С. 64–87; Рубинштейн Н. Крестьяне и помещики в польском восстании 1831 (по материалам Одесского областного архива) // *Каторга и ссылка*. — 1926. — № 1. — (22). — С. 131–137; Рубинштейн М. Селянське питання на Україні в першій половині XIX ст. // *Прапор марксизму*. — 1929. — № 2. — С. 149–174; Рубинштейн М. До історії соціальних відносин в Київській Русі XI–XII ст. // *Наукові записки науково-дослідної кафедри історії української культури*. — 1927. — № 6. — С. 42–62; Рубинштейн Н. Экономическое развитие России в начале XIX века как основа движения декабристов // *Каторга и ссылка*. — 1925. — № 8 (21). — С. 9–34 и др.
- ²⁶ *Сын народа*. — 1917. — 28 апреля; *Сын народа*. — 1917. — 17 мая.
- ²⁷ ДАОО. — Ф. 45. — Оп. 1. — Д. 877. — Л. 29.
- ²⁸ См. о Н. Рубинштейне-ученом: Соломаха Е. Н. Труд Н. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе. — Автореф. ... к.и.н. — Нижний Новгород, 2006. — 34 с.; Камутали А. Н. Рубинштейн Н. Л. // *Историки России*. — М., 2001. — С. 697–704; Шмидт С. О. Судьба историка Н. Л. Рубинштейна // *Археографический ежегодник за 1998 год*. — 1999. — С. 202–228; Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). — Брянск, 2005. — С. 538–554; Юсов С. Взаимини В. Голубуцького і М. Рубинштейна в контексті наукових зацікавлень вчених (погляд з ракурсу епістолярних джерел) // *Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика*. — В. 8. — К., 2005. — С. 247–257; Юсова Н. М. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). — К., 2006. — С. 136–148.
- ²⁹ ДАОО. — Ф. 45. — Оп. 1. — Д. 877. — Л. 15.
- ³⁰ ДАОО. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 2047. — Л. 116–117.
- ³¹ ДАОО. — Ф. Р-1593. — Оп. 1. — Д. 4049. — Л. 10.
- ³² Відділ рукописних фондів інституту української літератури ім. Т. Шевченка. — Ф. 183. — Оп. 1. — Д. 519. — Л. 1.
- ³³ ДАОО. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 2718. — Л. 6.
- ³⁴ Рубинштейн Н. О путях развития исторического исследования // *История СССР*. — 1962. — № 6. — С. 90.
- ³⁵ Василь Терентійович Галяс (біографічні матеріали до 85-річчя з дня народження) / Упорядник В. М. Хмарський. — Одеса, 2006. — С. 24, 37, 45.
- ³⁶ АРАН. — Ф. 1609. — Оп. 2. — Д. 390. — Л. 11.
- ³⁷ Там же. — Л. 1, 9.
- ³⁸ *Вісник Одеської комісії краєзнавства при УАН*. — Ч. 2–3. — Секція соціально-історична. — 1925. — С. 2.
- ³⁹ АРАН. — Ф. 1609. — Оп. 2. — Д. 390. — Л. 2.
- ⁴⁰ Дмитриев С. С. К истории советской исторической науки. Историк Н. Л. Рубинштейн (1897–1963) // *Ученые записки Горьковского государственного университета*. — Серия историко-филологическая. — 1964. — В. 72. — Т. 1. — С. 438.
- ⁴¹ Василь Терентійович Галяс... — С. 24; ДАОО. — Ф. Р-5432. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 421; ДАОО. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 2560. — Л. 102.
- ⁴² АРАН. — Ф. 1609. — Оп. 2. — Д. 390. — Л. 3–8.
- ⁴³ Флоровский А. Новый взгляд на происхождение Русской Правды // *Известия Одесского библиографического общества*. — Т. 1. — 1912. — С. 97–122; *Общество изучения декабристов* // *Одесский листок*. — 1917. — 14 июля.
- ⁴⁴ АРАН. — Ф. 1609. — Оп. 2. — Д. 390. — Л. 15.
- ⁴⁵ Михайло Слабченко в епістолярній та мемуарній спадщині / Упор. В. М. Заруба. — Дніпропетровськ, 2004. — С. 267.
- ⁴⁶ АРАН. — Ф. 1609. — Оп. 2. — Д. 390. — Л. 9–11.
- ⁴⁷ Рубинштейн Н. О путях развития исторического исследования // *История СССР*. — 1962. — № 6. — С. 93–94.
- ⁴⁸ Научно-исследовательский отдел Рукописи РГБ. — Ф. 521. — К. 12. — Д. 1. — Л. 2.
- ⁴⁹ Научно-исследовательский отдел Рукописи РГБ. — Ф. 521. — К. 11. — Д. 10. — Л. 5–6.
- ⁵⁰ СПб Архив Института истории РАН. — Ф. 276. — Оп. 11. — Д. 29. — Л. 26–28.
- ⁵¹ Интересно, что этой теме уже в ранге маститого историка Н. Рубинштейн посвятил большую статью: Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще». К истории социальной политики 50-х — начала 60-х годов XVIII в. // *Исторические записки*. — Т. 38. — М., 1951. — С. 208–251.
- ⁵² ДАОО. — Ф. Р-1593. — Оп. 1. — Д. 4049. — Л. 5–7.
- ⁵³ ДАОО. — Ф. Р-1593. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 35.
- ⁵⁴ ДАОО. — Ф. 36. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 21–22.
- ⁵⁵ Чорноморська комуна. — 1957. — 29 травня.
- ⁵⁶ Боровой С. Воспоминания. — М., 1993. — С. 216.
- ⁵⁷ Научно-исследовательский отдел Рукописи РГБ. — Ф. 521. — К. 25. — Д. 29. — 73 л.
- ⁵⁸ ДАОО. — Ф. Р-7400. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 32–25.
- ⁵⁹ ДАОО. — Ф. Р-7400. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 78.
- ⁶⁰ ДАОО. — Ф. Р-7400. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 48.
- ⁶¹ АРАН. — Ф. 696. — Оп. 3. — Д. 200.
- ⁶² Боровой С. Воспоминания. — М.: Иерусалим, 1993. — С. 332–333.
- ⁶³ Боровой С. Положение рабочего класса Одессы в XIX и начале XX в. (источниковедческие заметки) // *Из истории революционного класса и революционного движения*. — М., 1958. — С. 308–318.
- ⁶⁴ АРАН. — Ф. 697. — Оп. 1. — Д. 352. — 2 л. (Отзыв А. Панкратовой на автореферат З. В. Першиной «А. Герцен и славянский вопрос» 21 июня 1953 г.); АРАН. — Ф. 697. — Оп. 3. — Д. 457 (письмо Раппопорт М. В., 1954 г.); Д. 496 — (письмо А. Т. Строкацкого).
- ⁶⁵ Бачинский А. Д. Участие рабочих придунайских земель Украины в борьбе против фашистских оккупантов (1941–1944) // *Рабочий класс СССР — ведущая революционная сила советского общества (к 90-летию со дня рождения акад. А. М. Панкратовой): Тез. докл. и сообщ. респ. науч. конф., 5–7 февр. 1987*. — Донецк, 1987. — Ч. 1. — С. 107–109.
- ⁶⁶ Вашенко В. П. Советская историография о социально-экономическом развитии Украины в период феодализма. — Одесса, 1982. — С. 99–100.
- ⁶⁷ Воробей П. І., Першина З. В. Під прапором інтернаціоналізму // *Український історичний журнал*. — 1984. — № 10. — С. 157–159.
- ⁶⁸ 1905. Стачечное движение: Материалы и документы. / Сост. А. Панкратова. Под общ. ред. М. Н. Покровского. — М.-Л., 1925. — С. 294–331.
- ⁶⁹ Рубинштейн Н. Л. *Русская историография*. — М., 1941. — С. 510.